

Д. АЛЕКСАНДРОВ

Набоков — натуралист и энтомолог *

Энтомолог Владимир Владимирович Набоков (1899—1977), известный специалист по тонким морфологическим наблюдениям и детальным промерам гениталий нескольких видов и родов бабочек, знаменит во всем мире как выдающийся русский писатель. Или лучше: мастер прозы Набоков известен энтомологам как автор почти двух десятков статей и заметок по систематике и фаунистике бабочек. Любое начало пригодно для настоящей заметки о Набокове, в жизни и искусстве которого эстетически чистая наука морфологического исследования насекомых срослась со стилистически ажурной прозой.

В художественной и автобиографической прозе Набокова много энтомологических аллюзий, реминисценций и прямых описаний бабочек и их ловли. Отцу своего героя Федора Годунова-Чердынцева из романа «Дар», имеющего автобиографические черты, автор дал специальность энтомолога, и Константин Кириллович Годунов-Чердынцев выписан в освещении родственной любви, уважения и восхищения.

Проза Набокова полна бабочек. Со страстью коллекционера можно собирать не самих бабочек, но их упоминания в набоковской прозе — этим даже занимались, и вполне успешно. Мелкие твари живут на набоковских страницах, если не в прямом описании, то в уподоблении людей этим созданиям. Гумберт Гумберт уподобляет себя пауку, следящему за мухой, — кто же тогда Набоков, написавший исповедь светлогожего вдов-

* Первый вариант настоящей статьи опубликован под названием «Натуралист Набоков» в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» (1988. № 2. С. 119—123). К настоящему изданию статья исправлена и немного дополнена.

ца? Набоков, конечно, энтомолог, натуралист, описывающий жизнь еще неведомых науке форм.

Герои романа «Пнин», глядя на изящных бабочек, жалеют, что рядом с ними нет Набокова.

«Десятка два маленьких бабочек, все одного вида, сидели на мокром песке, подняв и сложив крылья, бледные с испода, с темными точками и крошечными, с оранжевой каемкой, павлиньими лунками по кромке заднего крыла; одна из скинутых Пниным галош спугнула несколько из них и, обнаружив небесную голубизну лицевой поверхности крыльев, они запорхали вокруг, как голубые снежинки, а потом опять опустились.

— Жаль нет здесь Владимира Владимировича, — заметил Шато. — Он бы нам рассказал об этих восхитительных насекомых.

— Мне всегда казалось, что его энтомология — просто поза.

— Ах, нет, — сказал Шато»*.

Шато несомненно был прав. Именно эти маленькие бабочки были предметом профессиональных набоковских штудий в Гарвардском музее сравнительной зоологии. Мы все знаем их и в просторечии называем «голубянками» — имя, которое не переносил Набоков, помечая его кавычками и называя поверхностным. Имена, даваемые Природе, должны быть на латыни, и латинское имя всей группы этих бабочек *Lysaeidae*.

Исследования В. В. Набокова построены с метким изяществом эстетизма — высшее искусство тончайшей препарировки сотен экземпляров бабочек, кропотливые промеры витиеватых структур полового аппарата, просмотр тысячных коллекций, долгие углубленные размышления и, наконец, более сотни журнальных страниц подсушенной научной прозы — все посвящено изменчивости двух видов бабочек одного рода**. Раз-

* *Набоков В. Пнин. Анн Арбор, 1983. С. 121—122.*

** Всего В. В. Набоковым было написано 19 статей и заметок по энтомологии — более 220 журнальных страниц текста и рисунков. Первая его работа, посвященная бабочкам Крыма, опубликована в Англии (*Nabokov V. A few notes on Crimean Lepidoptera // The Entomologist. 1920. V. 53. P. 29—33*). В России его учителем можно считать Н. Я. Кузнецова — Набоков никогда не встречался с ним, но восхищался его книгой по принципам систематики бабочек — далее его работа во многом была самостоятельна. В Англии Набоков учился в Кембридже (Тринити-колледж), где занимался преимущественно литературой, а не энтомологией. В берлинский период им выполнена лишь работа по бабочкам Пиренеи, написанная после самостоятельной экскурсии и опубликованная в Англии (*Nabo-*

мытость вариаций и хаос в географической изменчивости исследователей приводит в порядок, выстраивает ряды географических рас и подвидов.

Поэт освобождает звуки из хаоса, приводит их в гармонию, придает им форму. Ритм стиха таится в стихии речи, он должен быть услышан и подхвачен, выявлен и оформлен. Неподхваченная мелодия исчезает в пучине речи. Живая, изменчивая материя языка должна быть оформлена Поэтом, скована метром и огранена рифмой, выстроена в строки поэмы.

Энтомолог Набоков, определяющий и описывающий новый вид бабочек, — не ученый педант, засушенный лучше его сухих насекомых и пропахший нафталином, энтомолог — Поэт. Он определяет, он оформляет Хаос, он дает Имена, нарекая формы на «божественной латыни».

I found it in a legendary land
all rocks and lavender and tufted grass,
where it was settled on some sodden sand,
hard by the torrent of a mountain pass.

<...>

I found it and named it, being versed
in taxonomic Latin; thus became
godfather to an insect and its first
describer — and I want no other fame.
Wide open on its pin (though fast asleep),
and safe from creeping relatives and rust,
in the stronghold where we keep
type specimens it will transcend its dust
Dark pictures, thrones, the stones that pilgrims kiss,
poems that take a thousand years to die
but ape the immortality of this
red label on a little butterfly —

написал Набоков в стихотворении «A Discovery» об открытии им формы *Luscaeides*, неизвестной науке. Красной этикеткой, бессмертию которой, по его словам, могут лишь подражать картины и стихи, в коллекциях музеев отмечаются экземпляры, но которым описаны новые формы.

kou V. Notes on Lepidoptera of the Pyrenees Occidentales and the Ariage. I. II // The Entomologist. 1931. V. 64. № 822—823). После отъезда в Америку в 1940 г. он работал с 1941 по 1948 г. в Музее сравнительной зоологии Гарвардского университета. После 1948 г. он оставляет непосредственную научную работу, хотя и не бросает сбор и изучение бабочек до последних дней. Последняя научная заметка Набокова опубликована в 1953 г.

В пыли семейных библиотек и усадебных чердаков, между картин, старых вещей и стихов, «не умирающих тысячелетия», Набоков в детстве открыл для себя волшебный мир энтомологии.

«В петербургском доме была у отца большая библиотека... Мне было восемь лет, когда, роаясь там... я нашел чудные книги, приобретенные бабушкой Рукавишниковой в те дни, когда ее детям давали частные уроки зоолог Шимкевич и другие знаменитости... тут были и прелестные изображения суринамских насекомых в труде Марии Сибиллы Мериан (1647—1717) и *Die Schmetterlinge* (Эрланген, 1777) гениального Эспера. Еще сильнее волновали меня работы, относящиеся ко второй половине девятнадцатого столетия — *Natural History of British Butterflies and Moths* Ньюэна, *Die Gross Schmetterlinge Europas* Гофмана, замечательные *Memoires* великого князя Николая Михайловича и его сотрудников, посвященные русско-азиатским бабочкам, с несравненно-прекрасными иллюстрациями кисти Кавригина, Рыбакова, Ланга...»*.

Интерес быстро обрел прочную основу. Упоительное чтение, сбор бабочек и беседы с энтомологами создали основу всей его жизни. «Я всегда мечтал о долгой и волнующей карьере незаметного куратора чешуекрылых в большом музее», — скажет он в интервью 1964 г. **

Нельзя не привести суждение Набокова об энтомологии XX в. и переменах в биологии, которые он видел.

«Уже отроком я зачитывался энтомологическими журналами, особенно английскими, которые тогда были лучшими в мире. То было время, когда систематика подвергалась коренным сдвигам. До того, с середины прошлого столетия, энтомология в Европе приобрела великую простоту и точность, ставши хорошо поставленным делом, которым заведовали немцы: верховный жрец, знаменитый Штаудингер, стоял во главе и крупнейшей из фирм, торговавших насекомыми, и в его интересах было не усложнять определений бабочек... между тем как он и его приверженцы консервативно держались видовых и родовых названий, освященных долголетним употреблением, и классифицировали бабочек лишь по признакам, доступным голому глазу любителя, англо-американские работники вводили номенклатурные перемены, вытекающие из строгого приме-

* *Набоков В.* Другие берега. Нью-Йорк, 1954. С. 114—115.

** *Juliar M. Vladimir Nabokov 1899—1977: a note on a late entomologist // New York Entomological Society. 1982. V. 90. № 1. P. 56.*

нения закона приоритета, и перемены таксономические, основанные на кропотливом изучении сложных органов под микроскопом. Немцы силились не замечать новых течений и продолжали снижать энтомологию едва ли не до уровня филателии. Забота штаудингерьянцев о “рядовом собирателе”, которого не следует заставлять препарировать, до смешного похожа на то, как современные издатели романов пестуют “рядового читателя”, которого не следует заставлять думать.

Обозначилась о ту пору и другая, более общая перемена. Викторианское и штаудингеровское понятие о виде как о продукте эволюции, подаваемом природой коллекционеру на квадратном подносе, т. е. как о чем-то замкнутом и сплошном по составу, с кое-какими разновидностями (полярными, островными, горными), сменилась новым понятием о многообразном, текучем, тающем по краям виде, органически состоящем из географических рас (подвидов); иначе говоря, вид включил разновидности. Этими более гибкими приемами классификации лучше выражалась эволюционная сторона дела, и одновременно с этим биологические исследования чешуекрылых были усовершенствованы до неслыханной тонкости — и заводили в те тупики природы, где нам мерещится основная тайна ее*.

Работы о двух «текущих, тающих по краям видах» бабочек рода *Lycaeides*** выполнены были Набоковым в Музее сравнительной зоологии Гарвардского университета с 1941 по 1948 г. Набоков не прошел стороной и споры о концепции вида и эволюционной теории, кипевшие в то время в Америке. Новые теории, сводившие явления вида к системе биологически изолированных популяций, отличающихся лишь статистически, были неприемлемы для поэта и ценителя формы. Сущность вида не в статистике или генетической изоляции, а в эстетическом своеобразии. Биологическая теория кажется ему «зауженной... насильственно натянутой на концепцию вида», которая «изуродована» пренебрежением к чистой морфологии***.

* *Набоков В.* Другие берега. С. 115—116.

** *Nabokov V.* The nearctic forms of *Lycaeides* Hub (*Lycaenidae*, *Lepidoptera*) // *Psyche: Journal of Entomology*. 1943. V. 50. № 3—4. P. 87—99; *Nabokov V.* Notes on the morphology of the genus *Lycaeides* (*Lycaenidae*, *Lepidoptera*) // *Psyche: Journal of Entomology*. 1944. V. 51. № 3—4. P. 104—138; *Nabokov V.* The nearctic members of the genus *Lycaeides* (*Lycaenidae*, *Lepidoptera*) // *Bull. of the Museum of Comparative Zoology*. 1949. V. 101. №4. P. 479—541.

*** *Nabokov V.* Notes on Neotropical *Plebejiniae* (*Lycaenidae*, *Lepidoptera*) // *Psyche: Journal of Entomology*. 1944. V. 52. № 1—2. P. 3.

«В конце концов, — воскликнул Набоков однажды, — естественно ответственен перед философией — не перед статистикой» *.

Подвижную изменчивость «текущих» видов надо таксономически оформить, выявить внутренний ритм природы и выразить его в рядах и группах так, чтобы они имели эстетическое совершенство. Изменчивость бабочек имеет «повторы, ритм, размах и выражение». Говоря о ритме, Набоков имеет в виду появление и исчезновение определенных форм в системе вида: «пропуски [форм], разрывы, слияния и синкопированные толчки создают в каждом виде ритм изменчивости, отличающий его от другого» **.

В набоковском анализе изменчивости и сравнениях разных видов и родов бабочек просвечивает теория литературы и поэзии. Повторы в близких видах напоминают ассонансы и аллитерации. Наконец вся система рода, в которой есть несколько видов, сложенных из географических рядов рас, в описании Набокова напоминает нам сложение стиха из нескольких катренов, строки которых перекликаются звуковыми повторами.

Восхищенный взгляд поэта, хищный взгляд охотника, заносащего сачок над бабочкой, и ухищренный взгляд морфолога имеют много общего. В этом случае это один и тот же внимательный взгляд Набокова, для которого природа и искусство имеют много общего. О «дарвиновских» объяснениях мимикрии бабочек и своем отношении к ним он писал: «...защитная уловка доведена до такой точки художественной изощренности, которая находится далеко за пределами того, что способен оценить мозг гипотетического врага — птицы, что ли, или ящерицы: обманывать, значит, некого, кроме разве начинающего натуралиста. Таким образом, мальчиком, я уже находил

* *Nabokov V. Remarks on F. Martin Brown's «Measurement and Lepidoptera» // The Lepidopterist' News. 1960. V. 4. № 6—7. P. 76.* Важные материалы о реакции Набокова на современные ему работы по теории эволюции и концепции вида приведены в книге *Boyd B. Vladimir Nabokov: The American Years. Princeton, 1991.* Ссылаясь на литературу о Набокове, нельзя не упомянуть книжку Джоан Каргес — прекрасную сводку того, как бабочки живут и используются в набоковской прозе и поэзии: *Karges J. Nabokov's Lepidoptera: Genres and Genera. Ann Arbor, 1985.*

** *Nabokov V. Notes on the morphology of the genus Lycaeides (Lycaenidae, Lepidoptera) // Psyche: Journal of Entomology. 1944. V. 51. № 3—4. P. 137.*

в природе то сложное и “бесполезное”, которое я позже искал в другом восхитительном обмане — в искусстве»*.

Глаз наблюдателя и охотника, глаз натуралиста Набокова увидел в нашей жизни объекты для литературной мимикрии — воспроизведения жизни на страницах прозы. Внимательность натуралиста преобразилась в выпуклость натурализма и точность прозаического слова.

Читатель, открывший для себя Набокова, бывает поражен вдвойне. Он задыхается от восторга, следуя за течением текста по всем поворотам и перекатам стилистики, повторяя про себя отдельные фразы и сочетания слов. И тут же задыхается от шока и гнева, читая описания людей и их поведения, режущие глаз какой-то невозможной и противоестественной для большинства неприкрытостью естественных деталей и мотивов действий.

Не только шумно знаменитая «Лолита», но и другие книги Набокова отличаются этой беспощадной ясностью письма. Такими нагими выходят на сцену персонажи этих книг, что разве Федор Константинович Годунов-Чердынцев благодаря молодости и загару не постеснялся бы увидеть себя глазами автора.

Человек — существо эгоцентричное, и читательский шок обычно вызван тем, что читающий бессознательно примеряет на себя набоковский взгляд и видит все свои черты, прорисованные жесткой рукой мастера. «Нет, нет!» — кричит читатель, стараясь избавиться от наваждения. «Так нельзя писать, так нельзя видеть людей, какая гадость, где же душа?!» — судорожно пытаюсь завернуться в одежды сурового критика после неловкой наготы рентгеноскопического обследования, когда видна не только внешность плоти, но и ребра, сердце, легкие, печень... А душа не видна, хотя каждый читатель полагает, что у него есть душа.

Такое же чувство чудовищного разоблачения испытывает читатель книги «The naked ape» Десмонда Морриса. Английский зоолог Моррис начинает свою книгу с того, что он изучал многие виды обезьян и теперь считает себя вправе написать книгу еще об одном виде обезьян, тем более что он прожил среди них всю свою жизнь и сам принадлежит к этому виду. Вся жизнь человека, дружба и работа, семья и любовь описаны Моррисом так, как всегда описывается зоологами жизнь шимпанзе, макаки, кошки или собаки. Нет нужды приводить отрывки, каждый может представить сам, как может быть описа-

* Набоков В. Другие берега. С. 117.

но его поведение на rendez-vous, если смотреть на него глазами зоолога, изучающего игровое и половое поведение особей. Представив такое описание, легко понять, что за бурю негодования вызвали книги Морриса «The naked ape» и «The human zoo».

Что это — социобиологизм? Попытка низвести человека до состояния животного? Глумление над читателями? Эти вопросы бросали в лицо и Моррису, и Набокову. Набоков — выдающийся писатель, и его книги — художественное слово самой высокой пробы. Моррис — ученый, он мало подчиняет свой слог законам эстетическим. Сопоставлять их было бы нелепо, но в их работе просвечивает контур одной утонченной стилистической фигуры умолчания.

Художник и ученый устремлены к Человеку, но не говорят о своем предмете. «О чем невозможно говорить, о том следует молчать», — автор оставляет невыговоренным то, что и невозможно выговорить, настолько призрачен и нежен предмет умолчания. Человечность человека и его душа так же нестойки под рукой художника, философа, а тем более ученого, как и красота крыльев бабочки, осыпающихся от прикосновения — ни красоты, ни тайны переливчатого цвета, только пыльца невзрачной окраски на неловких пальцах любопытного мальчишки.

Предельное описание акциденций человеческого бытия очерчивает границы, за которыми лежит сущность человека, — ее не определяют и не анализируют, она становится очевидна каждому «от обратного». Самой культуре свойственно определять нечто, вырабатывая, проговаривая и прописывая весь материал, что лежит вокруг этого «нечто», и когда мы доходим до предела выговаривания, там, где у нас не хватит слов, окажется «нечто», к чему мы стремились явно или бессознательно.

Набоков не одинок в своей яркости и точности акцидентальной прозы, характерной для XX в., развенчавшего человека. Но деревья его прозы такие живые и рельефные, такие натуральные, что, заглядевшись, уже нетрудно промеж них потеряться... Увидеть за деревьями лес — задача читателя, претендующего на обитание в мире культуры. Можно отмахнуться и выйти из леса к невинным лужайкам прозаических пасторалей или устремиться в запутанные каменные улочки, выстроенные на страницах карманных детективов, а можно и оглядеться...

Оглядеться и, придя в сознание от морока обыденной жизни, вычесть из самого себя все акциденции человеческого су-

щества (если не сказать организма), ужасающие в тексте Набокова или работах Морриса. Много ли останется?

Есть и затекстовое сплетение несопоставимых текстов Набокова и Морриса. «Насколько помню, начальный озноб вдохновения был каким-то образом связан с газетной статейкой об обезьяне в парижском зоопарке, которая после многих недель улещивания со стороны какого-то ученого набросала углем первый рисунок, когда-либо исполненный животным: набросок изображал решетку клетки, в которой зверь был заключен. Толчок был тематически не связан с последующим ходом мысли...» — писал Набоков в послесловии к «Лолите». Какой бы литературной игрой ни было все послесловие, здесь — одна из дверей за внешность текста знаменитой книги.

Владимир Владимирович Набоков — энтомолог, зоолог, и его «натуралистическая» проза — подлинные заметки натуралиста. Он наблюдает своих героев внимательными и беспощадными глазами ученого, и эффект остранения возникает за счет отстраненности позиции наблюдателя. Так энтомолог, увлеченный ловлей бабочек на лугу, вносит в полевой дневник описание интимных сцен из жизни зверей с добросовестностью подлинного натуралиста, прервав свое основное занятие, так как появившаяся из леса пара ему помешала.

На самых ярких по колориту и напряженных страницах Набокова нет ни романтического аромата любви старинных романов, ни общего аэра современной эротической литературы, на них царит запах: «...со своего места я почуял мускус ее возбуждения...» — скажет «голая обезьяна» Гумберт Гумберт в «исповеди светлокожего вдовца». Обоняние — основа основ ориентации животного мира, и табачный запах, «мускус возбуждения» или «дезодорированные секретарши» составляют непрменный колорит «человеческого зверинца», написанного зоологом Набоковым.

Проза натуралиста — совсем не вся проза Набокова, так же как и приемом остранения не исчерпывается существо литературы. В этой заметке мне важно было выговорить то, как на пересечении энтомологии и литературы возникает не описание бабочек, а новые эффекты чистого искусства.

Рассказ «Пильграм» о продавце бабочек говорит нам о страсти коллекционера и магической власти бабочек над душой самой прозаической. Вероятно, сам Набоков в Берлине не раз рассматривал коробки в таких лавочках, где прозаический продавец окружен нежным блеском крыл бабочек далеких и недостижимых стран. Душа Пильграма не только после смерти

посетила Мурцию и Альбарадин, Конго и Суринам, она всегда жила там, вне улиц с лавочками и трактирами. Душа же Набокова-энтомолога, проживавшего на таких же улочках Берлина, описана им самим в берлинском стихотворении 1927 г.:

В РАЮ

Моя душа, за смертью дальней
твой образ виден мне вот так:
натуралист провинциальный,
в раю потерянный чудак.

Там в роще дремлет ангел дикий,
полулавлинье существо.
Ты любознательно потыкай
зеленым зонтиком в него,

соображая, как сначала
о нем напишешь ты статью,
потом... но только нет журнала
и нет читателей в раю.

И ты стоишь, еще не веря
немому горю своему:
об этом синем сонном звере
кому расскажешь ты, кому?

Где мир и названные розы,
музей и птичьи чучела?
И смотришь, смотришь ты сквозь слезы
на безымянные крыла.

